

Миграционная стратегия России и политика толерантности

А. Г. Вишневский

Вишневский Анатолий Григорьевич

доктор экономических наук,
действительный член Российской
академии естественных наук,
руководитель Центра демографии
и экологии человека при Институте
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
директор Института демографии
Высшей школы экономики.

XXI век станет веком небывалых по объему миграционных перемещений на глобальном уровне, что приведет к существенным изменениям мировой картины расселения человечества и состава населения отдельных стран и целых континентов. Перемены таких масштабов неизбежно обернутся серьезнейшим вызовом существующему порядку вещей. Ключевая роль миграции в уже происходящих и ожидаемых переменах заставляет говорить о миграционном вызове как о важнейшей самостоятельной части этого более широкого, многопланового вызова. В частности, миграционный вызов станет вызовом толерантности, ибо он подвергнет испытанию способность сотен миллионов, а может быть, и миллиардов людей проявлять терпимость к инаковости своих сограждан, соседей, коллег по работе, всех, кто входит в их ближнее и дальнее окружение и с кем у них возникают отношения и взаимодействия.

Проблема миграционного вызова для России, являющейся страной Северного кольца, стоит еще острее, чем для многих других развитых стран. Сейчас Россия быстро теряет позиции в мировой демографической иерархии, опустившись к настоящему времени на 9-е место. Население страны – 143 млн. человек – составляет 2,1%

мирового населения, хотя Россия занимает почти 13% мировой суши.

Уже в середине 1960-х гг. в нашей стране установилось такое соотношение рождаемости и смертности, которое в долговременном плане не обеспечивало даже простого возобновления поколений, что и привело к тому, что с 1992 г. естественный прирост населения России сменился его естественной убылью. И это не временный кризис, по завершении которого все встанет на свои места и Россия вернется к расширенному воспроизводству населения, а устойчивые перемены в массовом демографическом поведении, которые произошли не только в России, но и в подавляющем большинстве развитых стран.

Миграция – единственная возможность хотя бы частично компенсировать потери от депопуляции, по крайней мере, в течение ближайших десятилетий. Сегодня закрыть двери перед иммигрантами или жестко регулировать их приток, выборочно принимая, например, только зарубежных соотечественников, значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, дальнейшим снижением места России в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения население/территория и т. п.

Замедлить или прекратить сокращение населения России, как того требует официальная Концепция демографической политики РФ до 2025 г. (стабилизировать численность населения к 2015 г. и «обеспечить постепенное увеличение численности населения, в том числе за счет замещающей миграции, до 145 млн. человек» к 2025 г.), может только реализация стратегии активного привлечения иммигрантов. В Концепции демографической политики ставится задача обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно к 2016 г. и более 300 тыс. человек ежегодно к 2025 г.

Реально речь должна, видимо, идти о гораздо больших цифрах (примерно о 0,5–1 млн. человек в год), поскольку объемы иммиграции, компенсирующей естественную убыль населения, задаются размерами этой убыли, а она, по реальным прогнозам, не сможет перекрываться приростом в 200 или 300 тыс. человек в год. Кроме того, миграционный прирост должен компенсировать и эмиграцию, которую также нельзя совсем сбрасывать со счетов. Даже если не пытаться дать точную оценку потребности в иммигрантах, ясно, что речь, вероятно, будет идти о нескольких сотнях тысяч человек в год.

Такой объем ежегодной миграции намного превосходит ее современный (во всяком случае, регистрируемый) уровень, что может обернуться трудно-разрешимыми социально-политическими проблемами. Даже поддержание нынешнего регистрируемого миграционного прироста (в последние годы порядка 250 тыс. человек), а тем более его увеличение возможно только при приеме иноэтничной миграции, вначале — коренных народов стран Средней Азии, а впоследствии (после исчерпания этого ресурса) — мигрантов из стран «дальнего» зарубежья, прежде всего, стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Это существенно усложнит проблему интеграции мигрантов в российское общество и, если не будут найдены пути решения или хотя бы значительного смягчения этой проблемы, может сделать прием необходимого по демографическим и экономическим соображениям количества мигрантов невозможным.

Как и в других странах, при стратегии ежегодного привлечения и приема большого числа иммигрантов

будет быстро меняться состав населения России, в том числе, этнический и конфессиональный. К середине XXI века мигранты и их потомки с довольно высокой степенью вероятности могут составить порядка трети населения нашей страны, а к концу века потомки сегодняшних россиян могут и вовсе оказаться в меньшинстве.

Антимигрантская мифология и миграционная реальность

Еще 20 лет назад слово «мигрант» не порождало в России никаких негативных ассоциаций. На исходе советского времени оно вошло — впервые с негативными коннотациями — в политический словарь в Латвии и тогда служило подогреванию антирусских настроений. Но довольно скоро после распада СССР антимигрантский дискурс возник и стал набирать силу в России, сделался неотъемлемой частью и властного, и масс-медийного дискурсов. И тот, и другой способствуют нагнетанию алармистских настроений и несут ответственность за то, что за короткое время в стране сложилась устойчивая антимигрантская мифология и одним из существенных компонентов общественных настроений стала мигрантофобия.

Как и всякая мифология, антимигрантская мифология является крайне односторонней. Она бережно коллекционирует все отрицательные проявления и последствия иммиграции, не желая видеть и не видя ее положительной роли. Тем самым она наглухо отгораживает поверивших в нее людей от реальности. В реальности же иммиграция по ряду причин, в том числе, и в силу присущих ей положительных сторон, оказывается неизбежной. Противоречия между мифологией и реальностью приводят к крайней противоречивости, непоследовательности и властного, и медийного дискурсов.

В случае с масс-медиа ситуация понятная: СМИ обязаны отображать и ретранслировать многообразие взглядов, присутствующих в обществе. Но разногласия оценок, высказываемых различными ведомствами, и выбор ими подходов, часто противоречащих друг другу, свидетельствуют об отсутствии у власти четких представлений о проблеме. Стремление ведомств демонстрировать самостоятельность и их неспособность придерживаться какой-то одной линии

доходит до абсурда. Генпрокуратура и СКП устраивали своеобразное соревнование по поиску виновных в корректировке квот в субъектах Федерации (весна-лето 2009) [3]. Представители ведомств, пользующиеся оценками ФМС России, выдают их за свои — ведомственные (погранслужба, главный санитарный врач Г. Онищенко). Представители одного ведомства демонстрируют противоположные позиции оценки (ГУВД Москвы). Нередко одни и те же ведомственные начальники на протяжении короткого времени высказывают разные, порой противоположные мнения.

Потеря ориентиров затронула и политиков. В начале 2000-х гг. позиции были четко определены: левые и национал-патриоты были яркими противниками иммиграции, тогда как правые выступали их оппонентами. Сегодня политическое измерение трансформировалось: член Общественной палаты РФ М. Шевченко выступает за приток мигрантов. Он заявил: «Мы заинтересованы в том, чтобы люди из государств бывшего СССР приезжали в нашу страну» (Комсомольская правда, 3 декабря 2008 г.). Его поддерживает председатель Исламского комитета России Г. Джемаль (там же), а В. Милов, политик, представляющий либеральный фланг несистемной оппозиции, позволяет себе ярые антимигрантские, на грани ксенофобных «либерал-националистические» выступления (Газета.ру, 20 декабря 2010 г.).

В результате общество дезориентировано, нетерпимость к иммигрантам и всему, что с ними связано, начинает казаться естественной и даже приветствуемой реакцией на новую ситуацию. Между местным населением и приезжими нарастает отчужденность, процессы интеграции мигрантов замедляются, а то и вовсе блокируются.

Дезинтеграция — ненормальное состояние общества, делающее его нежизнеспособным. Любая дальновидная политика, не нацеленная на нарастание напряженности в обществе, а тем более на его распад, должна включать в себя заботу об ослаблении дезинтеграционных процессов и повышении социальной сплоченности. Это полностью относится и к миграционной политике. Нельзя одновременно признавать неизбежность и полезность миграции, принимать значительное количество мигрантов и не

заботиться об их интеграции. Эта мысль хорошо выражена в названии отчета Независимой комиссии по иммиграции, рекомендации которой в свое время были положены в основу Закона об иммиграции в ФРГ: «Структурируя иммиграцию — поощряя интеграцию» [15].

Политики часто подвержены соблазну опираться на древний принцип «разделяй и властвуй!», далеко не бесмысленный в плане кратковременной политической конъюнктуры. Может быть, этим соблазном и объясняется то, что быстрое распространение мигрантофобии в России в последние десятилетия происходило не без участия власти. Однако если возобладают более ответственное отношение к будущему России, в том числе и к ее миграционному будущему, то власть должна будет не только сама полностью освободиться от антимигрантской риторики, но и попытаться развеять уже сложившуюся антимигрантскую мифологию в сознании граждан России. Сделать это теперь будет непросто, борьба с этой мифологией должна стать одной из задач адекватной миграционной политики. Но именно одной из задач, потому что решение этой задачи — избавление от укоренившихся негативных взглядов и предрассудков и соответствующей им практики — невозможно без одновременного решения второй задачи — предложения обществу убедительной альтернативы, предполагающей прием достаточно большого количества мигрантов при минимизации рисков, имманентно присущих крупномасштабным миграциям.

Какой может быть эта альтернатива?

Интеграция мигрантов и границы толерантности

Любое общество, испытывающее коллективную неудовлетворенность, внутреннее напряжение, склонно к социальным фобиям, к стремлению найти виновника своих проблем. Чаще всего это «чужие» — внешние «супостаты», внутренние «враги народа», этнические или конфессиональные меньшинства. Понятно, что на роль «чужих» как нельзя лучше подходят иммигранты. Поэтому негативное отношение к мигрантам в России — в значительной степени отражение ее нерешенных внутренних вопросов, если ослабеет острота этих вопросов,

ослабеет и мигрантофобия, нетерпимость по отношению к приезжим.

Но напряжение в отношениях между местным населением и мигрантами, возникающее во всех случаях появления заметного количества пришлового населения, имеет все же и другие причины, имманентные самому процессу миграции на заселенные территории. Такая миграция предполагает последующее налаживание отношений между местным и пришлым населением, и оно всегда наталкивается на существенные трудности. Это в полной мере относится и к современным миграциям в развитые страны.

Понять причины наблюдающегося повсеместно отторжения мигрантов, мигрантофобии, требований прекратить прием иммигрантов и т. п. не так просто. И общество в целом, и его элита в развитых странах достаточно хорошо осознают грозящую им всем депопуляцию, нехватку рабочих рук на рынке труда, иными словами, свою потребность в людях, для удовлетворения которой противники иммиграции обычно настоятельно рекомендуют повышать рождаемость. В России с ее огромными просторами все понимают, что стране нужны люди. Почему же тогда так велико неприятие миграции, которая может обеспечить приток практически любого количества людей, причем уже «готовых», взрослых, на вынашивание, выхаживание, выкармливание, социализацию которых не нужно затрачивать никакие силы и средства?

Потому что это другие люди. Они живут по другим законам, имеют другую систему ценностей, не совместимую с законами и ценностями местного населения.

Сейчас жители многих развитых стран, принимающих большое количество мигрантов, испытывают беспокойство именно по поводу того, что большой приток мигрантов, влекущий за собой изменение состава населения принимающих обществ, несет угрозу их коллективной идентичности и их системе ценностей. Как отмечает Д. Коулмэн, если последующие поколения мигрантов и лица смешанного происхождения станут все больше идентифицировать себя с населением той страны, куда они приехали, то изменение состава населения не будет иметь особых последствий. Если же, напротив, они в большей степени

станут определять себя как нечто отличное от коренного населения, убывающего как по абсолютной численности, так и относительно, то ситуация будет иной. Подобные процессы могут иметь самые разнообразные и существенные последствия, могут повлиять на идентичность той или иной страны, на социальную сплоченность ее населения. Может возникнуть ситуация, когда разные группы людей захотят говорить на разных языках, начнут требовать, чтобы использовались различные системы права. У этих групп могут быть различные ориентации, с точки зрения внешней политики страны, в которой они живут, и т. п. [6].

Эти опасения вполне обоснованы, так как у мигрантов так же, как и у жителей принимающих стран, есть свои ценности, которыми они могут не захотеть поступаться. Их ценности часто не совпадают с ценностями принимающих обществ, а иногда и враждебны им, и столкновение разных систем ценностей не может не вести к взаимной нетерпимости и конфликтам, порой очень острым и опасным.

Призыв к толерантности не может стать единственным ответом на эту опасность. Когда люди живут и тесно, повседневно взаимодействуют между собой, терпимость к инаковости сограждан или просто соседей, коллег по работе, прохожих на улице становится необходимым условием сохранения социального порядка. Существуют, однако, пределы, за которыми терпимость становится несовместимой с собственной системой ценностей, а потому недопустимой в сколько-нибудь интегрированном обществе.

Эти пределы определяются системой ценностей в обществе. Вопрос о нахождении этих границ приобретает остроту в случае массовых миграций, когда взаимодействие местного населения и мигрантов осложняется существующими между ними цивилизационными и культурными различиями. Европейские общества предпочитают оставить за границей допустимого многоженство, женское обрезание, навязываемые родителями браки, деление людей на касты и многие другие нормы и формы социального поведения, никогда не существовавшие или давно изжитые в Европе, но вполне приемлемые с точки зрения тех обществ, из которых выходят мигранты.

В то же время, никакое современное общество и никакое современное законодательство не требует, например, унификации религий.

Границы толерантности могут быть проведены по-разному в разных странах, поскольку должны учитывать специфику каждой из них. Но коль скоро такие границы проведены, все остальные формы разнообразия, привносимые миграцией и остающиеся по эту сторону проведенных границ, даже если они непривычны, кому-то не нравятся, доставляют некоторые неудобства и т. п., требуют терпимого отношения. Это не означает, что все они должны как-то специально поощряться. Но они должны оставаться в зоне свободного индивидуального выбора, не стесняемого давлением государства или общественного мнения. Эта зона и есть область господства толерантности.

Миграционный вызов станет вызовом толерантности, ибо он подвергнет испытанию способность сотен миллионов, а может быть, и миллиардов людей проявлять терпимость к инаковости своих сограждан, соседей, коллег по работе, всех, кто входит в их ближнее и дальнее окружение.

Если такая область реально существует, то существуют и возможности гибкого, адаптивного индивидуального поведения, допускающего, в том числе, частичную и даже полную смену человеком своей культурной идентичности. Ничего нового в этом нет. Всегда были примеры перехода, в том числе и сознательного, добровольного, в другую веру, на другой язык, к другим убеждениям.

Полноценная интеграция мигрантов может быть достигнута лишь при следующих условиях. Во-первых, когда граница толерантности более или менее определена (идеальная «демаркация» здесь едва ли возможна). Во-вторых, с одной стороны, достигнут консенсус по поводу того, что остается по ту сторону границы и не допускает терпимого отношения ни местного населения, ни мигрантов, а с другой — определена область свободы индивидуального выбора, который

требует толерантного и даже уважительного отношения со стороны всех. Интеграционная политика должна обеспечивать движение к вышеупомянутому консенсусу и способствовать сближению позиций сторон по вопросам допустимого и недопустимого. Пути и формы этого движения, его скорость, конечные результаты в разных странах неизбежно будут разными, потому что неодинаковы исторический опыт, отправные точки движения, состав участников взаимодействия (местного и пришлого населения). Поэтому разные страны вырабатывают и опробуют разные модели интеграционной политики, которые общество и его институты стараются реализовать в своей практической деятельности. Наличие таких моделей играет организующую роль, позволяет избежать случайных, хаотичных движений и выстроить систе-

с местным — это его существование в диаспоре. Классические диаспоры — еврейская, армянская, греческая — возникли в результате насильственного вытеснения людей с их исторической родины — изгнания, которое на протяжении столетий, а то и тысячелетий рассматривалось как временное. Поэтому для людей, живущих в диаспоре, крайне важно обособление от принимающих обществ, сохранение своей культурной идентичности, включая язык, религию, исторические предания и т. п., равно как и общие, отдельные от страны пребывания, надежды на будущее. Подобное обособленное существование диаспор, как правило, устраивало и принимающие общества. Оно взаимодействовало с диаспорами, но глубокого взаимопроникновения не было.

Миграции новейшего времени, прежде всего, заокеанские миграции европейского населения в новые, созданные европейцами же государства показали, что для прибывающих иммигрантов возможно не только коллективное сознание пребывания на чужой земле, которая противопоставляется утраченной собственной родине, но и альтернативное ему коллективное сознание обретения новой родины. Соответственно, в первом случае сообщество мигрантов ориентировано на культурную изоляцию и сохранение своей незыблемой культурной идентичности. Во втором — его задача заключается в том, чтобы максимально облегчить вхождение иммигранта в новую для него социальную и культурную среду, сохраняя только те элементы культурной самобытности, которые этому не препятствуют, а иногда не сохраняя даже и их. В этом втором случае понятие «диаспора», если оно и используется, приобретает новое значение, противоположное прежнему. Теперь диаспора должна быть ориентирована не столько на то, чтобы обособить вновь прибывшего мигранта от принимающего общества, сколько на то, чтобы помочь ему как можно быстрее вписаться, интегрироваться в него.

Таким образом, исторический опыт подсказывает две крайние ситуации (полное обособление или полное растворение в принимающем обществе), но сейчас на практике почти всегда реализуются переходные, промежуточные варианты — «полудиаспо-

му непротиворечивых действий, подчиненных некоторым общим ориентирам. Поиск моделей взаимодействия между местным и пришлым населением, способных обеспечить желаемую интеграцию, идет во всех принимающих странах, однако идеальная модель пока нигде не выработана.

Интеграционные модели как ориентиры политики

Для человека, вынужденно или добровольно покинувшего свою родину и оказавшегося в непривычной социокультурной среде, адаптация и укоренение в ней — непростой, часто очень болезненный процесс. Издавна известны институциональные формы, которые позволяют пришлому населению одновременно существовать в «двух средах» и тем самым облегчают адаптацию. Одна из наиболее известных с давних времен форм мирного взаимодействия пришлого населения

ры», «четвертьдиаспоры» и т. д. с разной степенью идентификации себя со «своим» сообществом и с обществом страны-хозяина. В современных условиях вариативность даже усиливается, потому что изменяются не только масштабы миграций и их смысл, но и сама технология миграций. Вследствие небывалого развития средств транспорта и связи, распространения Интернета сотни миллионов людей могут без труда физически перемещаться между разными культурными пространствами либо даже одновременно пребывать в нескольких из них. Это совершенно по-новому ставит вопрос о формировании, сохранении, изменении культурной идентичности.

В полном соответствии с историческим опытом (и древним, и новейшим) двумя полюсами континуума, в пределах которого могут находиться разные варианты интеграционных моделей, служат две модели. С одной стороны, модель «плавильного котла», успешно работавшего долгое время в США, с другой, — модель мультикультурализма, получившая распространение сравнительно недавно — с конца 60-х — начала 70-х гг. прошлого века как ответ на напряжения в отношениях франкофонной и англоговорящей общин в Канаде. В 1971–1972 гг. мультикультурализм был провозглашен принципом государственной политики этой страны, что получило закрепление в 1988 г. в специальном Законе о мультикультурализме.

Модель «плавильного котла» трактуется обычно как ассимиляционная, требующая от мигрантов полного растворения в социуме и культуре принимающего общества. Мультикультурализм, напротив, подчеркивает ценность культурного разнообразия. Однако ни одна из этих моделей никогда не реализовывалась в чистом виде. Американский «плавильный котел» не предполагал религиозного единообразия. Канадский мультикультурализм «... не является основанием для всеобъемлющей толерантности ... этнические различия принимаются до той степени, пока индивиды (не группы) могут идентифицировать себя с культурной традицией их выбора, но только в том случае, если эта идентификация не нарушает прав человека, права других или законы страны» [14, р. 20].

Таким образом, вопрос выбора интеграционной модели — это вопрос

нахождения правильного баланса между интересами социального целого и интересами каждого человека — как местного, так и пришлого — в конкретных условиях места и времени. Такой баланс может быть найден в пределах континуума между «абсолютным» плавильным котлом и столь же «абсолютным» мультикультурализмом, но, скорее всего, достаточно далеко от этих двух крайних точек.

смена мигрантом и даже его потомками своей культурной идентичности невозможна. При этом в качестве главных меток идентичности обычно рассматриваются этническая или религиозная принадлежность, и наличие этих меток служит основанием проявления нетерпимости. Это выражается, например, в достаточно популярном сегодня лозунге «Россия — для русских», который широко используется про-

Обществу, принимающему мигрантов и рассчитывающему на дальнейшую перспективу, нужна открытость диаспор. Они должны выполнять роль шлюза, который позволяет иммигранту избежать «кессонной болезни» при погружении в новую для него социальную среду.

Барьер или шлюз?

Цель интеграции мигрантов в принимающее общество всегда заключается в том, чтобы нейтрализовать напряжение, вытекающее из соприкосновения местного населения с другими людьми, носителями других систем ценностей. В случае классических диаспор это достигалось благодаря разграничению местного и пришлого сообществ на групповом уровне за счет минимизации контактов между сообществами, их взаимной изоляции. Предельный случай — средневековые гетто. Однако современная жизнь не оставляет места для такой изоляции. Общество атомизируется, люди перемешиваются, автономизируются от группы, каждый сам становится носителем своей системы ценностей, и теперь людям — и местным жителям, и мигрантам — приходится налаживать взаимодействие между собой на индивидуальном уровне. Оно предполагает частичный или полный отказ от своей ценностной инаковости во имя достижения мирного общежития, при котором люди перестают быть взаимно другими.

В российском антимиграционном дискурсе настойчиво проводится мысль, что иммигранты, особенно не те, которые, — другие навсегда, «проникнуть в их коллективное сознание не реально — мигрантские группы абсолютно закрыты» [5], культурные границы, разделяющие местное население и мигрантов, непреодолимы,

тивниками приема Россией большого количества мигрантов.

Но кого считать русским? По какому критерию? Можно ли стать русским или им можно только родиться? Даже царский генерал Куропаткин, активный поборник идеи «Россия для русских», который требовал, чтобы «русское племя в России пользовалось большими правами, чем инородцы и иноземцы» [7, с. 241], все же утверждал, что «инородцы, которые сознательно выберут своим языком русский язык, свою родину Россию, — свою службу и деятельностью только усилят русское племя» [7, с. 243].

Предпосылка этничности как основы культурной идентификации давно и многократно опровергнута мировым и отечественным опытом. Например, широчайшим распространением русскоязычия среди всех народов современной России, а ранее — СССР или огромным вкладом в русскую культуру, науку, государственную, политическую, военную деятельность обрусевших украинцев, татар, немцев, евреев, грузин и др. Поэтому сторонникам незыблемой идентичности приходится сдвигаться в сторону биологических меток, то есть в сторону расизма. В. Шнирельман называет это «расиализацией, в основании которой лежит не столько биология, сколько культура. Здесь вполне уместен термин “культурный расизм”, а создающая для него основы наука уже давно получила название “научного расизма”

[13]. От «культурного» расизма недалеко и до биологического. Сползание же к расизму, как культурному, так и биологическому, делает невозможным формирование единой российской гражданской идентичности и губительно для России как многонационального государства независимо от проблемы иммиграции. Но и ее решению оно, конечно, никак не способствует.

Плечом к плечу с теми, кто отрицает саму возможность смены мигрантами их культурной идентичности, становятся те, кто утверждают, что мигранты не хотят этого делать. Постоянно раздаются упреки в том, что мигранты расселяются анклавами, «возникают национальные общины мигрантов, которые не ассимилируются» (Независимая газета, 16 марта 2006 г.), не хотят учить русский язык, намеренно игнорируют принятые в России нормы поведения и т. п. «Вопреки догмам либералов об ассимиляции мигрантов, они не только не хотят ассимилироваться, но намерены установить в чужих странах, особенно Запада и России, свои порядки» [11].

Доказательная база этих утверждений очень слабая, и не совсем ясно, к кому они относятся. Если речь идет о «гастарбайтерах», заведомо приехавших на заработки на короткое время, то от них смена культурной идентичности, вероятно, и не требуется. Она важна и для самих мигрантов, и для принимающей страны только в том случае, если они намерены связать с ней свою судьбу навсегда или, по крайней мере, надолго. Но тогда в чем может быть смысл их нежелания интегрироваться? Сделав первый шаг в направлении миграции, человек неизбежно становится на путь смены своей культурной идентичности. Этого требует укоренение мигранта в новую для него социальную среду, не только когда он едет в другую страну, но даже когда просто переезжает из деревни в город собственной страны. Поскольку решения о таких переездах принимаются, в основном, добровольно, мигранты внутренне готовы к переменам, хотя могут и не осознавать их сложности, глубины и т. п. Этот тезис можно сформулировать и иначе: мигрируют только те, кто внутренне готов вживаться в новую среду. Этим определяется хорошо известный селективный характер миграции, в ней участвуют

наиболее энергичные, предприимчивые и готовые к переменам жители мест выхода.

Судить о готовности долговременных мигрантов интегрироваться в российский социум позволяют исследования поведения и намерений детей мигрантов, обучающихся в российских школах. В ответах детей на вопросы исследователей отражается и позиция их родителей, и, в какой-то мере, намечающаяся их собственная стратегия, что тоже очень важно.

Эти исследования показывают, что если в поведении детей мигрантов и встречаются элементы изоляционизма, то не по их вине. «В литературе, затрагивающей проблему изоляции и обособления мигрантов, часто путаются причины и следствия такого рода явлений. Социальная изоляция мигрантов в детских и подростковых коллективах чаще всего вызывается антимигрантскими настроениями в обществе. Возникает своего рода порочный круг, когда негативные установки по отношению к “чужим” в школе ведут к замыканию детей мигрантов в себе и своей группе, что лишь усугубляет интолерантность со стороны соучеников, а иногда и учителей» [9].

При этом никаких признаков отторжения школы как основного института социализации у детей мигрантов не наблюдается. Напротив, по данным исследования, проведенного ВЭШ в Санкт-Петербурге в мае 2011 г., антишкольная культура (неприятие учителей, стремление прогуливать, не выполнять домашние задания) у детей мигрантов ниже, чем у их одноклассников, а увлеченность учебой — выше. Отмечается «высокая мотивационная заинтересованность в изучении русского языка. Более 80% детей, в семьях которых русский не является основным языком общения, подчеркивали важность его изучения» [9]. Эти и другие данные противоречат утверждению о противодействии мигрантов интеграционным процессам так же, как и элементарная логика поведения людей, заинтересованных в нормальном существовании в среде, в которой они живут.

Отмечая эти и подобные факты, которые сильно противоречат поспешным и поверхностным оценкам безответственных политиков и журналистов, не хотелось бы и упрощать ситуацию, недооценивать серьезных

рисков, сопряженных с иммиграцией и ее дезинтеграционным потенциалом, который, при определенных условиях, может свести на нет все усилия по интеграции мигрантов.

Всем известное словечко «понаехали» появилось не сегодня и не вчера, оно очень хорошо отражает обычную реакцию местного населения на появление пришлого элемента во все времена и во всех странах. Нетерпимое отношение к приезжим — не новость и в России. В конце XIX в. приток мигрантов-отходников из русской деревни в русские города вызывал примерно такое же отношение и такие же оценки, какие можно видеть сейчас в отношении отходников из Таджикистана или Узбекистана, да и их положение в обществе было примерно таким же. В.И. Ленин приводил несколько иллюстраций тогдашней ситуации. «Все деревенские жители называются серыми и, что странно, нисколько не обижаются на это название, и сами называют себя таковыми». Современники смотрели на мигрантов свысока, жаловались на то, что жизнь отходников в столицах прививает им «многие культурные привычки низшего разбора и склонность к роскоши и щегольству» [8]. «Г. Герценштейн прямо говорит о “показной цивилизации”, “широком разгуле”, “бесшабашном кутеже”, “диком пьянстве и дешевом разврате” и пр.», — добавляет Ленин [8]. В свою очередь, «сельские мигранты в городе и крестьяне сопротивлялись проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду.. Благодаря институту землячества, тесным связям отходников с родной деревней крестьянству, занимавшемуся отходничеством, удавалось в значительной мере сохранять традиционный крестьянский менталитет не только в деревне, но и в условиях города. В обществе земляков, в котором новичок, прибывший в город, и на работе, и на досуге постоянно находился среди своих, и в городском окружении сохранялись привычные крестьянину социальные нормы поведения» [10, с. 337–338]. Историк цитирует свидетельство современника (конец XIX в.): «Разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический, и даже языковой. Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать

городской культурный язык. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни до чего. Так образовались две культуры: городская и крестьянская, два разных мира» [10, с. 337].

Существование этих двух разных миров сыграло не лучшую роль в последующей истории России, и можно было бы извлечь из этого опыта уроки. Но, похоже, этот опыт забыт, и сегодня потомки «серых» отходников, несмотря на всю их «серость», ставшие коренными современными горожанами, свысока смотрят на мигрантов уже не из русской, а из мировой деревни, и обвиняют их в том же, в чем обвиняли их дедов и прадедов.

Речь идет, разумеется, не о специфическом российском феномене. Сходная реакция на появление большого количества мигрантов характерна не только для российского общества, она свойственна значительной части населения европейских стран, становится все более заметной и в США — классической стране иммиграции [2, с. 187]. Никакая власть не может игнорировать эти общественные настроения и сама оказывается перед серьезным выбором. Это относится и к российской власти. У нее два пути. Она может найти серьезные аргументы и переубедить массовый электорат, сделать понятной для него объективно неизбежную роль миграции в XXI веке (но для этого она сама должна ее понять). Либо она не сможет этого сделать и солидаризуется с массовыми настроениями, в той или иной форме одобрит и поддержит проявления нетерпимости по отношению к мигрантам и, в конечном счете, сделает невозможным пополнение населения России за счет миграции, связанное с изменением его этнического состава.

С точки зрения долговременных интересов России, ее конкурентоспособности в мире, ее будущего, несомненно, предпочтительнее первый вариант. Но, во-первых, нельзя призывать власть игнорировать политическую конъюнктуру сегодняшнего дня, с этим тоже связаны немалые риски. А во-вторых, нельзя перекладывать на власть те задачи, которые должно выполнить само общество. Россия нуждается в переосмыслении проблем миграции и в изменении отношения к ней, решение этой задачи возможно, если к нему будут привлечены силы на

всех общественных уровнях — органов власти, политических партий и движений, средств массовой информации, науки, образования и т. д.

Смена идентичности никогда не бывает простой и быстрой, это всегда — мучительный и не всегда успешный процесс преодоления разного рода препятствий. Объект политики — именно эти препятствия, она может воздействовать как в сторону их увеличения, так и в сторону уменьшения, и понятно, что направленность политики зависит от ее целей.

Если субъект политики — государство — считает нужным ограничить миграцию из-за рубежа, то, естественно, его усилия должны быть направлены на увеличение препятствий, введение всякого рода ограничений вплоть до полного запрета, как это было, например, в СССР. Один из способов ограничить иммиграцию — сделать страну миграционно непривлекательной, выстроив систему барьеров, затрудняющих интеграцию пришлого населения, окружающих его стеной нетерпимости, противодействующих смене культурной идентичности иммигрантов.

В той же мере, в какой государство признает иммиграцию желательной или неизбежной, оно должно направить свои усилия на устранение препятствий для интеграции иммигрантов, в том числе и путем облегчения для них добровольной смены культурной идентичности. А это, в свою очередь, предполагает доброжелательное, терпимое отношение к иммигрантам в пределах общей границы толерантности, исключая недопустимые, по законам принимающей страны, формы и нормы социального поведения.

Обеспечение такого отношения — задача государственной власти и ее политики. Забота о толерантности в отношении мигрантов — необходимость, это единственный путь принять достаточно большое количество мигрантов (а мы видели, что по ряду причин России этого не избежать) и, в то же время, не допустить нарастания недовольства со стороны как местного, так и пришлого населения, конфликтов, чреватых, в конечном счете, расколом общества.

В поисках оптимальных решений России, как и всем другим странам, придется искать свою интеграционную модель, стоящую между мульти-

культурализмом и «плавающим котлом». Приехавший в Москву житель таджикской глубинки, прекрасно справляясь с земляными работами на московских стройках или с вождением «маршрутки» на московских улицах, не может в одночасье заговорить на чистом русском языке, усвоить все нормы московской жизни, у него будет много трудностей на бытовом уровне. Пытаясь справиться с ними, он будет лнуть к таджикской диаспоре, искать ее поддержки, а это, в свою очередь, будет способствовать консервированию его таджикской идентичности. То же будет происходить с мигрантами из Узбекистана, Киргизии и т. д. Это не может не привести к некоторому сдвигу в сторону мультикультурализма, что предполагает принятие, может быть, даже и непривычного культурного многообразия, не просто терпимое, но дружелюбное отношение к особенностям культуры и бытового поведения приезжих, если оно не приводит к нарушению российских законов, и т. п. Но допустимая доля мультикультурализма не должна вести к геттоизации мигрантских диаспор, к отгораживанию всех таджиков или всех узбеков непроницаемой стеной от российского общества. Это будет уже не мультикультурализм, а то, что Амартия Сен назвал «множественным монокультурализмом». «Сосуществование двух образов жизни или двух традиций, которые никогда не пересекаются, следует, по сути, рассматривать как выражение “множественного монокультурализма”. Защита мультикультурализма, о которой постоянно приходится слышать в наши дни, очень часто как раз и есть не что иное, как защита множественного монокультурализма» [2, с. 215].

Обществу, принимающему мигрантов и рассчитывающему на дальнейшую перспективу, нужна открытость диаспор. Они должны выполнять роль шлюза, который позволяет иммигранту избежать «кессонной болезни» при погружении в новую для него социальную среду, освоиться в ней и свободно выбрать свою новую множественную идентичность. Это позволит мигранту, если он того желает, одновременно оставаться и таджиком, и мусульманином, и россиянином, и москвичом, и европейцем и т. д. Постепенно у него и, тем более, у его детей, выстроится и новая иерархия этих идентичностей.

Эта иерархия во многом зависит от того, какой прием встретит мигрант на вновь обретаемой родине. Если «шлюзование» пройдет гладко, если личный опыт мигранта покажет ему, что страна прибытия открывает перед ним, а особенно перед его детьми, возможности большие, нежели были доступны на его родине, новая идентичность мигранта как равноправного гражданина принимающей страны выйдет для него на первый план. Она оттеснит на более низкие места его расовую, этническую, конфессиональную или классовую идентичности, от которых он тоже не отказывается. Если же с первых шагов мигрант столкнется с ксенофобией и мигрантофобией, пройдет через унижения и оскорбления и даже во втором поколении не почувствует себя полноправным гражданином своей новой родины, то иерархия его идентичностей выстроится по-иному. Он будет искать приоритетов в идентификации себя с исламом, Третьим миром, международным революционаризмом или терроризмом, продолжая при этом считать себя французом, немцем, американцем или россиянином.

Впрочем, препятствия к обретению мигрантом новой идентичности могут исходить не только от принимающей стороны, но и от диаспоры, активно транслирующей ценности его прежней родины. Обычная форма давления на мигрантов — обвинение их в отступничестве от своей страны, этнической группы, традиции, религии, раздающиеся, как правило, из традиционалистских, консервативных кругов, нередко политизированных, трактующих человека как принадлежность к выделенной по тому или иному критерию общности. «Недавно прибывших иммигрантов могут побуждать к тому, чтобы они сохраняли свой традиционный образ жизни, и прямо или косвенно препятствовать тому, чтобы они изменяли свое поведение. Следует ли из этого, что во имя культурного разнообразия мы должны поощрять культурный консерватизм и требовать от людей оставаться привязанными к их культурной среде и не пытаться принять другой образ жизни, даже если у них есть веские причины это сделать?» [2, с. 160].

Говоря о неизбежной эволюции культурной идентичности иммигрантов, нельзя не поставить вопрос о вли-

янии иммиграции на идентичность местного населения. Предполагает ли умеренный, «шлюзовой» мультикультурализм постепенное движение только в одном направлении — в сторону ассимиляции приезжих местным населением, или речь идет и о встречном движении, когда местный культурный фон впитывает, вбирает в себя элементы культур мигрантов, и вырабатывается обогащенный культурный сплав, отличный от этого первоначального фона?

Сейчас в России в воздухе носится идея ассимиляции, газетные заголовки говорят сами за себя: «Нужны ли мы нам? Как ассимилировать мигрантов» [4]; «Путин призвал иммигрантов активнее ассимилироваться» [12]; «Российские СМИ: мигрантов либо нужно выгнать из Москвы, либо тотально ассимилировать» [1]. Ассимиляция — это полное восприятие мигрантом и его потомками черт и правил поведения принимающего населения, тогда как для него самого действует принцип «ни шагу назад!». Но ведь сами эти черты и правила непрерывно меняются. Возрадуются ли британцы, если иммигранты вдруг обнаружат склонность воспринимать черты и правила викторианской Англии, от которых сами они давно отошли? С какими чертами и правилами поведения должны идентифицировать себя иммигранты в современной России? С советскими? Досоветскими? Постсоветскими? С теми, которые пока еще находятся в стадии становления? Эти вопросы россияне нередко ставят даже применительно к самим себе.

Любая национальная культура подвержена переменам, в том числе и под влиянием заимствования у иммигрантов, это затрагивает все ее пласты — от кухни, манеры одеваться или стиля отношений между мужчиной и женщиной до высокой литературы и музыки. Встречное движение неизбежно. Белые американцы еще презирали негров, но уже обожали джаз. Но все же и здесь существуют пределы, может быть, и не совсем ясные, связанные с разными иерархическими уровнями идентичности. Допустимы ли, например, подвиги навстречу иммигрантам в области политической культуры, скажем, согласие на действие в европейских странах законов шариата? По-видимому, и здесь критерием должны служить «границы толерантно-

сти», о которых говорилось выше. Область мультикультурализма, а значит и область благоприятствования всем формам культурного многообразия не должна выходить за эти границы.

Список литературы:

1. Антонян А. Российские СМИ: мигрантов либо нужно выгнать из Москвы, либо тотально ассимилировать. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://novostink.ru/sng/14194-rossiyskie-smimigrantov-libo-nuzhno-vygnat-iz-moskvy-libo-totalno-assimilirovat.html>
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации. — М., 2003.
3. Голикову представили к экстремизму // Газета.Ru, 18 июня 2009. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2009/06/18_a_3212879.shtml
4. Еременко А. Нужны ли мы нам? Как ассимилировать мигрантов. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.globalrus.ru/opinions/783134/>
5. Как научить мигранта любить Родину? // Росбалт. — 18 марта 2011. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2011/03/18/830055.html>
6. Коулмен Д. Третий демографический переход // Полит.ру. — 16 сентября 2007. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/09/12/demoscope299>
7. Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. — 3 т. — СПб, 1910.
8. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — М.: Политиздат, 1986.
9. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. — 2010. — №8.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. — Т. 1. — СПб: Дмитрий Буланин, 1999.
11. Новохатский С. Миграция или оккупация? — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=606.0>
12. Путин призвал иммигрантов активнее ассимилироваться // Лента.ру. — 2006. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/09/13/putin/>
13. Шнирельман В. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. — 2008. — №2.
14. Cryderman В.К., Fleras А., O'Toole С.Н. Police, race and ethnicity. A guide for law enforcement officers. — Toronto and Vancouver. — 1998. — P. 20.
15. Structuring immigration — fostering integration: report of the independent commission on migration to Germany. — 2001.